

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Л. А. ГОГОТИШВИЛИ

НЕПРЯМОЕ ГОВОРЕНИЕ

© Языки славянских культур. Электронная версия книги. 2007

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР» МОСКВА 2006

ББК 87.3(2)6
Г 58

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-03-16005

Гоготишвили Л. А.

Г 58 Непрямое говорение. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 720 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0161-6

В книге изучается феномен непрямого выражения смысла в языке. Сопоставляются различные толкования этого явления в русском символизме, феноменологии, лингвистике, семантике, аналитической философии, структурализме, теориях референции, тропологии, нарратологии, деконструктивизме и др. Выявляются и анализируются разнообразные конкретные способы непрямого выражения смысла: расщепленная, отсроченная, непрямая референция; двуголосие, полифония, антиномические конструкции; расшатывание акта именования, символ и метафора; интенциональные и аттенциональные сцепления, модальные и тональные сдвиги; смещения и наслоения фокусов внимания, расщепление «я» говорящего на частные «голоса», их попеременные смены, чередования и наложения; саморедукция авторского голоса и ее степени, стадия инсценированной «смерти автора» и т. д. Производится попытка свести эти и другие формы не прямой передачи смысла в единое концептуальное пространство в рамках «феноменологии непрямого говорения». Обосновывается версия «феноменологии непрямого говорения», в рамках которой эти и другие формы не прямой передачи смысла сводятся в единое концептуальное пространство.

Для филологов, философов, широкого круга читателей.

ББК 83.3

ISBN 5-9551-0161-6

© Л. А. Гоготишвили, 2006
© Языки славянских культур, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 13

МЕЖДУ ИМЕНЕМ И ПРЕДИКАТОМ

(СИМВОЛИЗМ Вяч. ИВАНОВА НА ФОНЕ ИМЯСЛАВИЯ) 15

1. Между именем и метафорой (историко-сопоставительный аспект) 16

2. Между субъектом и предикатом (лингвистический аспект) 45

3. Между трансцендентностью и имманентностью (онтологический аспект) ... 80

АНТИНОМИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ПОЭЗИИ Вяч. ИВАНОВА 104

ДВУГОЛОСИЕ В СООТНОШЕНИИ С МОНОЛОГИЗМОМ И ПОЛИФОНИЕЙ

(МЯГКАЯ И ЖЕСТКАЯ ВЕРСИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕЙ

М. М. БАХТИНА) 139

1. Двуголосие и монологизм 139

Загадки лингвистического Сфинкса; Гипотеза аналогии «двуголосого слова» (ДС) с предикативным актом; Конститутивные особенности ДС; Принцип распределения голосов ДС по позициям субъекта и предиката; Пример тематического ДС; Референциальное основание вторичной предикации; Блуждающий характер вторичной предикации; Пример тонального ДС; Тематизм и тональность; Диалогизм вторичной предикации как первая половина ответа на лингвистическую загадку ДС; Монологизм вторичной предикации как вторая половина ответа на лингвистическую загадку ДС.

2. Двуголосие и полифония 174

Имеется ли у полифонии собственное лингвистическое лицо? Мягкая лингвистическая версия полифонической идеи; Лингвистический принцип полифонии; Лингвистический принцип полифонии и философский тезис о равноправии голосов; Общая идея скрытого диалога; Скрытый диалог в монологизме и полифонии; Особенности внешнего диалога в полифонии; Парадокс об авторе; Автор и герой; Проблема «образа автора»; Автор и рассказчик; Двуголосие как предмет изображения; Тематическая

и тональная степени саморедукции авторского голоса; Феномен трехголосия; Трехголосие и двуголосие; Трехголосие и полифония; Трехголосие и скрытый диалог; Жесткие выводы из мягкой версии; Полифония и карнавал (краткая ремарка в сторону); Гипотеза жесткой версии полифонии.

«ЭЙДЕТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК»

**(РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАДИКАЛЬНОЙ
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ НОВАЦИИ А. Ф. ЛОСЕВА)** 220

Глава 1. Исходный философский контекст и сопутствующий лингвистический фон

**1.1. Исходный философский контекст зарождения
лосевской новации** 220

§ 1. Почему — «реконструкция»? — 220. § 2. Феноменология, неокантианство, символизм, имяславие. — 221. § 3. Точка схождения: принцип приоритета смысла (смысловых предметностей, смысловых структур и смысловых актов). — 223. § 4. Точка расхождения: вопрос о «количестве» уровней смысловой предметности и о толковании их наполнения и соотношения. — 226. § 5. Имелись ли основания для противопоставления «статичности» феноменологии — «процессуальности» неокантианства? — 229. § 6. Эйдетика и логика. — 234. § 7. Спор с Э. Гуссерлем по поводу «описания» и «объяснения». — 240. § 8. Спор с неокантианством по поводу логоса. — 243. § 9. Язык на фоне эйдетики и логики. — 245. § 10. Модифицирующее выражение — уподобляющая корреляция. — 247. § 11. Феноменологическое выражение, его некоррелятивный 'предмету' и модифицирующий (непрямой) характер. — 250. § 12. Проявления принципа «уподобляющей корреляции» в неокантианстве. — 254. § 13. «Апофатизм» эйдетики (обособленность эйдоса, его конечная невыразимость). — 257. § 14. «Лестница Гуссерля» (различные этапы модификации априорного смысла в выражающих актах сознания). — 260. § 15. Вопрос о статических параллелях между уровнями сознания (эйдетикой, логикой и языком). — 264. § 16. Вопрос о синтаксических параллелях между уровнями сознания. — 268. § 17. Специально об идее «непрямого смысла» у Гуссерля. — 270

**1.2. Возможные лингвистические аналоги акцентированных ранним Лосевым философских конфликтов и их оценка
поздним Лосевым** 278

§ 18. Лингвистические аналоги мыслившихся Лосевым конфликтных зон по параметрам 'статика/динамика' и 'выражение/корреляция'. — 278. § 19. Противостоящие, по Лосеву, версии в понимании соотношения логики и языка. — 281. § 20. Лингвистический неопозитивизм (логический и феноменологический позитивизм в лосевском понимании). — 282.

§ 21. Пиррова — по Лосеву — победа феноменологии. — 286. § 22. Неоправдавшиеся компромиссные ожидания Лосева. — 286. § 23. Движение аналитической лингвистики по направлению к статическому срезу чистого смысла. — 291. § 24. Движение аналитической лингвистики по направлению к коммуникативности. Спор вокруг интенциональности. — 295. § 25. Лосев и структурализм. — 297

Глава 2. Радикальная новация Лосева

2.1. «Эйдетический язык»: экспликация и реконструкция 302

§ 26. Исходная точка и общая направленность лосевских нововведений. — 302. § 27. Введение процессуальности в эйдетический уровень. Концепт априорной синтактики. — 302. § 28. Априорная синтактика и ее непрямые соотношения с процессуальностью формальной логики. — 309. § 29. Априорная синтактика и ее непрямые соотношения с диалектикой. — 311. § 30. «Трудные вопросы» о природе синтактических закономерностей в диалектике. — 316. § 31. Стоявшая перед Лосевым проблема и структурная мифология. — 317. § 32. Экспансия языковой идеи. — 319. § 33. Трансформация феноменологического выражения в интерпретацию и коммуникацию. — 320. § 34. Радикальная новация эйдетики. Концепт эйдетического языка. — 322. § 35. Эйдетический язык, 'описание' и 'объяснение'. — 323. § 36. Общая дислокация концепта «эйдетического языка» в феноменологическом и лингвистическом пространстве. — 325

2.2. «Эйдетический язык»: сопоставления и интерпретация 328

§ 37. Эйдетический язык Лосева и априорная грамматика Гуссерля. — 328. § 38. Эйдетический язык Лосева и «трансцендентальный язык» Э. Финка. — 329. § 39. Эйдетический язык Лосева и теории двух языков. — 331. § 40. Концепт эйдетического языка и имяславский тезис. Синтез символизма и апофатизма. — 333. § 41. Эйдетический язык Лосева и возвышение статуса языка в феноменологии после Гуссерля (М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти). — 338. § 42. Лосев и Ж. Деррида. — 340. § 43. Лосев и Ж. Делез. — 344. § 44. Неопозитивистские мотивы в постгуссерлевой феноменологии. — 345. § 45. Смыслы и факты. — 350. § 46. Эйдетический смысл и ступени его модификации в «материи» естественного языка. — 352. § 47. Лосевский «логос телесности», смысл и естественный язык. — 354. § 48. Лосев, позитивизм и аналитический принцип корреляции. — 357. § 49. Аналитика и непрямые смыслы. — 364

2.3. Возможные перспективы концепта «эйдетический язык» для феноменологических и аналитических версий

естественного языка 365

§ 50. Лосевское понимание феноменологии естественного языка. — 365. § 51. Лосевская оппозиция «непрямоты» речи на естественном языке и «прямоты» эйдетического высказывания. — 367. § 52. Оппозиция «пря-

моты» эйдетических высказываний и «некоррелятивности» эйдосов. — 368. § 53. Лосевский принцип «непрямоты» и феноменология непрямого говорения. — 369. § 54. Принцип «непрямоты» речи в поле аналитической лингвистики. — 370. § 55. Не универсализм, а логико-формальная «свобода» синтаксического субъекта от референта. — 372. § 56. Принцип «непрямоты» и предикат, тендирующий к субъекту. — 377. § 57. Лосевский принцип «непрямоты» в поле феноменологической лингвистики. — 383. § 58. Лосевский принцип «непрямоты» в поле логики. — 385. § 59. Эйдетика, логика и коммуникация. — 390. § 60. Априорная коммуникативность в логике? — 390. § 61. Непрямая природа коммуникативного импульса. — 391. § 62. Операциональный прием объективации (овеществления) смысла. — 392. § 63. Коммуникативный постулат Лосева и идея предмета речи как свернутой точки говорения. — 395. § 64. Коммуникативность и пропозиция. — 396. § 65. Постулат о коммуникативно-неизоморфной природе смысла. — 400. § 66. Логика как синтаксис. — 402. § 67. Взаимоотношение логики и диалектики как разных разделов синтаксиса эйдетического языка. — 403. § 68. Гордиев узел из «прямоты» эйдетического и «непрямоты» естественного языка. — 406. § 69. Миф как коммуникативный импульс эйдетического синтаксиса. «Эйдетическая трансперсональная эгология». — 409. § 70. Лосев и Флоренский. — 410. § 71. Лосевская новация и феноменологическая тема аттенциональных и интенциональных сдвигов. — 413

К ФЕНОМЕНОЛОГИИ НЕПРЯМОГО ГОВОРЕНИЯ 416

Глава 1. Феноменология говорения и чистая феноменология

1.1. Феноменологический адрес непрямого говорения 416

§ 1. Терминологический лабиринт. — 416. § 2. Феноменологический ракурс. — 419. § 3. Ноэтическая призма. — 421. § 4. Ноэтическая синтактика и интересубъективная эгология. Общая идея феноменологии непрямого говорения. — 425. § 5. Феноменологический адрес и феноменологические особенности процесса говорения. — 426. § 6. Акты говорения на фоне гуссерлевых актов выражения и извещения: «вторжение ноэтики» и «потеснение» семантики. — 429. § 7. Потенциальное значение гуссерлевых актов выражения для феноменологии непрямого говорения. — 432

1.2. Элементы непрямого выражения у Гуссерля 434

§ 8. Ноэматически-ноэтическая двусмысленность языка. — 434. § 9. Стяжения и их разворачивание. — 437. § 10. Вопрос об универсальности модального компонента. — 438. § 11. Принцип «лестницы модификаций». — 440. § 12. Ступени гуссерлевой модальности. Прадокса и ноэматическое предложение. — 441. § 13. Полные и неполные выражения. Опускание. — 444. § 14. Принципиальная неполнота языковых выражений. — 445. § 15. Прямые и не прямые выражения Гуссерля. — 447.

§ 16. Вопрос о разделимости/неразделимости значения и смысла (к критике Гуссерля со стороны Ж. Деррида). — 452

1.3. Индуцирование и инсценирование. 453

§ 17. Особый характер взаимоотношения актов говорения с сопровождающими их актами сознания. — 453. § 18. Индуцирование и инсценирование. — 456. § 19. Индуцированное инсценирование несемантизированных актов. — 459. § 20. Внесловесная поэтическая ситуация. — 462. § 21. Двойное отношение индуцирования к гуссерлевым сращениям и опущениям. Непрямой смысл языковых энтимем. — 464. § 22. Предварительная иллюстрация. Опущение. — 465. § 23. Специально об инсценировании. — 467. § 24. Неизоморфность поэтически-ноэматических и субъект-предикатных структур. Органичные и инсценированные стяжения. — 471. § 25. Стяжение как фундирующий способ неизоморфной языковой инсценировки поэтически-ноэматических структур. Случай имплантации ноэс в ноэму в языке. — 472. § 26. К понятийной родословной индуцирования и инсценирования. — 474. § 27. Ноэматический синтаксис и поэтическая синтактика в языке. — 475. § 28. Основные типы сцеплений между актами. — 477. § 29. Вопрос о влиянии языковых форм сцеплений на течение актов сознания и о возможности обратного влияния. — 478

Глава 2. Поэтический смысл

2.1. Поэтический и ноэматический смыслы 482

§ 30. Вопрос об объеме понятия «смысл». — 482. § 31. Ноэматический и поэтический смыслы. — 483. § 32. Заостренные и нейтральные версии поэтического смысла. М. Хайдеггер и М. Бахтин. — 487. § 33. Преимущественная феноменологическая локализация поэтического смысла. — 492. § 34. Семантизированные формы передачи поэтического смысла. Феноменологическая инверсия. — 493. § 35. Несемантизированные формы передачи поэтического смысла. Интонация. — 494

2.2. Поэтический смысл и тропология 496

§ 36. Статус непрямых поэтических смыслов и тропология. — 496. § 37. Смысл и значение. Э. Гуссерль и Ж. Деррида. — 500. § 38. Ноэма и имя. Функциональный аргумент 'за' разделение смысла и семантики. — 503. § 39. Вопрос о необлекаемых в семантику смыслах. Случай их «символической неименующей референции». — 504. § 40. Случай наслаивания разнотипных ноэс. — 505. § 41. Опущение ноэм, метафора и символ. — 507. § 42. Миражи и не прямые смыслы. — 509. § 43. Протяженная динамичность смысла — протяженная статичность семантики. — 510

2.3. Поэтический смысл, эмоционально-оценочные акты и модальность 511

§ 44. Версии доминирования «ноэматического» и/или «семантического»

смысла. Экспрессивная теория Г. Шпета. — 511. § 45. Вопрос о степенях и возможности полного разрыва нозм и ноэс. — 514. § 46. Постановка проблемы соотношения в феноменологии говорения актов душевной и волевой сфер с модальностью. — 516

2.4. Интерпретация гуссерлевых идей о модальности с точки зрения феноменологии непрямого говорения. 517

§ 47. Ноэматическое предложение Гуссерля и идея опоры языка на прамодальную ноэсу. — 517. § 48. Модальная версия предикативного акта. Возможны ли немодализированные акты говорения? — 518. § 49. Особо о модальности и нейтральном сознании. — 520. § 50. Нейтральное сознание и язык. — 523. § 51. «Особость» ноэтически-ноэматического строения ноэматических предложений модального сознания. — 527. § 52. Принципиальная опосредованность референции, связанная с выражающей природой языковых актов. — 529. § 53. Неотмысливаемость модальности. — 530. § 54. Идея функционального сходства модальности и актов душевной и волевой сфер. «Неотмысливаемость» ноэтического смысла. — 531

2.5. Тональность как ноэтический смысл и ее разновидности 533

§ 55. Тональность как второй наряду с модальностью тип ноэтического смысла. — 533. § 56. Диапазон тональности по оси 'экспрессия/импрессия'. — 535. § 57. Моменты придания и экспликации экспрессии («вложение» и «проникновение»). — 541. § 58. Ноэматическая и ноэтическая тональность. — 543. § 59. Разновидности тональности по оси 'смех/страх'. — 543. § 60. Коммуникативный вектор тональности. — 544. § 61. Сводная номенклатура намеченных разновидностей ноэтического смысла. — 545

Глава 3. Фокусы внимания, языковые модальности и тональность

3.1. Фокус внимания 546

§ 62. Интенциональные и эгологические сдвиги и сцепления. — 546. § 63. Фокус внимания и его смены. — 546. § 64. Фокус внимания как один из содержательных параметров акта говорения. — 550. § 65. Фокус внимания, фокализация и голос. — 551. § 66. ФВ и синтаксический субъект. — 553. § 67. Атенциональные сдвиги в актах сознания и смены ФВ в языке. — 555. § 68. Языковые инсценировки посредством фокусов внимания. — 557. § 69. Фокус внимания и «многолучевое переживание». — 559. § 70. Нечто гипотетически общее. — 562. § 71. Временные сдвиги ФВ — перестановки, разрывы, сращения. — 564. § 72. Ложные пространственные разрывы ФВ. Метафора как ложная смена ФВ. — 568. § 73. О природе ноэтического смысла в связи с ФВ. Значимость непротяженных

смыслов. — 569. § 74. Идеальные «вечные» смыслы — не предмет феноменологии говорения. — 572. § 75. ФВ, кругозор и окружение. — 573

3.2. Языковая модальность 574

§ 76. Языковые модальности и связанные с ними концептуальные затруднения. — 574. § 77. Проблема соотношения референции и модальности. — 578. § 78. Особо о референции, нейтральной и инсценирующей модальностях. — 581. § 79. Модальность и жанр. — 582

3.3. Совмещенный модально-тональный ракурс 582

§ 80. Причины и цели совместного рассмотрения модальности и тональности. — 582. § 81. Модально-тональные сдвиги и их влияние на смысл. — 583. § 82. Перефразирование как смена модально-тональных моментов высказывания и потому изменение смысла. — 584. § 83. Модально-тональные сдвиги и фокус внимания. — 586. § 84. Скрытые смены ФВ с точки зрения их возможных маркеров. — 589. § 85. Смены модально-тонального ракурса как способ развертывания смысла при приостановке смен ФВ. — 590

Глава 4. Точка говорения, ее эгологические модификации и кинестезы

4.1. Точка говорения 592

§ 86. Фокус внимания и точка говорения. — 592. § 87. Точка говорения в интерсубъективно-эгологическом понимании. — 594. § 88. Точка говорения, чистое Я и чистый автор. — 596. § 89. Чистый и первичный автор. — 600. § 90. Языковые наполнители точки говорения — вне и внутри эгологической зоны. — 601. § 91. Пространственно-временные кинестезы в интерсубъективно-эгологической сфере. — 603

4.2. Частные разновидности точек говорения 608

§ 92. Речевой центр. — 608. § 93. Референциальная сторона речевых центров. — 613. § 94. РЦ и двуголосие. Двуголосие в терминах феноменологии говорения. — 614. § 95. Неустрашимость речевого центра «я». Трехголосие, ирония и метафора. — 617. § 96. Коммуникативная позиция. — 619. § 97. «Небезопасность» и «неизбежность» оглядки на имманентное «ты». — 621. § 98. Чужие речевые центры и коммуникативная позиция «ты». — 624. § 99. Коммуникативные позиции Я и Ты в терминах феноменологии говорения. — 625. § 100. Кто говорит, кто слушает? Мерло-Понти и Гуссерль. — 628. § 101. Речевые центры, коммуникативные позиции и вторичный автор. — 630. § 102. Первичный и вторичный авторы на нарратологическом фоне. — 631. § 103. Диапазон причастности. — 631. § 104. Разновидности мы-позиций. — 633. § 105. Диапазон тональности. — 637. § 106. Тональная метафора. — 638. § 107. Взаимозависимость тональности и тематизма. — 639. § 108. Тональные смены по

тематическим основаниям и тематические смены по тональным основаниям. — 641

4.3. Точка говорения, оживленный предмет речи и инсценированная «смерть автора» 642

§ 109. Предмет речи как свернутая точка говорения. — 642. § 110. Предмет речи как свернутая точка говорения и лосевский концепт «эйдетического языка». — 644. § 111. Предмет как свернутая точка говорения. Гуссерль и П. Рикер. — 645. § 112. Особенности свернутой точки говорения предмета речи относительно других типов точек говорения. — 646. § 113. Непотысливаемость точек говорения в языковом сознании и в любом типе высказываний. — 647. § 114. Гипотетически о сменах точек говорения внутри семантики и извне ее. — 650. § 115. Неизымаемость интерсубъективной эгологии. — 651. § 116. Инсценировки из точек говорения. — 652. § 117. Авторская позиция как типическая конфигурация точек говорения. Инсценированные смерть и самоубийство автора. — 654

Приложение к работе «К феноменологии непрямого говорения» 658

Экскурс 1. Ноэсы, ноэмы и их отношения с семантикой у Гуссерля. 658

§ 1. Ноэсы и ноэмы. — 658. § 2. К проблеме соотношения у Гуссерля понятий «ноэматики» и «сфера значений» (семантика). — 659

Экскурс 2. Гуссерлевы акты выражения и акты извещения. 661

Экскурс 3. Концепт ноэтического смысла и § 85 «Идей 1» 664

Экскурс 4. Доминирование ноэтического смысла над ноэматическим у М. Хайдеггера. 668

Экскурс 5. Экспрессивная теория Г. Шпета как версия «аналитической феноменологии» 674

§ 1. Аргументация Шпета. — 674. § 2. Шпет, Е. Боратынский, смысл и экспрессия. — 676. § 3. Шпетовская экспрессия, симпатическое переживание, «комическое» и гипотеза А. Эйнштейна. — 678. § 4. Перефразирование и «очищенный» от экспрессии смысл стихотворения Боратынского. — 681. § 5. «Объективная» смысловая значимость «экспрессии». — 683. § 6. Система оговорок Шпета, усложняющих и в конечном счете размыкающих ситуацию. — 685. § 7. Поэтический пропуск в сферу смысла. — 686. § 8. «Ноэсоктомия», экспрессия и синтаксис. — 688. § 9. Суггестивная сила шпетовских идей. «Аналитическая феноменология». — 691

Экскурс 6. Фокус внимания и его смены на фоне «Идей 1» 693

Предметно-тематический указатель 697

Именной указатель 713

От автора

В книгу включены пять работ 1999—2006 гг., расположенных в порядке написания и связанных сквозной темой «непрямого говорения». Три первые статьи — о Вяч. Иванове и М. М. Бахтине — публиковались ранее¹; по материалам четвертой работы — об «эйдетическом языке» А. Ф. Лосева — был издан доклад на международной конференции², сама же работа была закончена позже и публикуется впервые. Ключевое место занимает также не публиковавшаяся ранее последняя — писавшаяся специально для данной книги — работа «К феноменологии непрямого говорения»; она носит относительно текстов предшествующих «персональных» разделов обобщающий, экстраполирующий и развивающий тему характер (в ней расширяется контекст обсуждения проблем за счет подключения ряда современных западных гуманитарных направлений, обосновывается само понятие «непрямое говорение» и производится попытка последовательного рассмотрения в едином феноменологическом ракурсе его различных аспектов, включая как те, которые анализировались в «персональных» разделах вне специально феноменологического угла зрения, так и те, которые там не затрагивались). Нельзя не заметить, что избранный в последней работе феноменологический ракурс и расширение концептуального контекста привели к частичным терминологическим смещениям относительно сложившегося ранее языка описания и интерпретации ивановских, бахтин-

¹ Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // Вячеслав Иванов. Архивные мат-лы и исследования. М., 1999; Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Между Св. Писанием и поэзией // Europa Orientalis, Avellino, 2004 (Мат-лы VIII Междунар. конф. «Вяч. Иванов: между Св. Писанием и поэзией», окт. — нояб. 2001 г., Рим); Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией // Бахтинский сб. Вып. 5. М., 2004 (на основе одноименного ключевого доклада на Междунар. бахтинской конф. «Контексты Бахтина», Индианский ун-т, Блумингтон, США, дек. 1999 г.).

² Losev's radical lingua-philosophical project // Studies in East European Thought. Vol. 56, Netherlands. 2004 (текст ключевого доклада «Радикальный лингвофило-софский проект А. Ф. Лосева» на Междунар. конф. «А. Ф. Лосев и гуманитарные науки XX века», Государственный ун-т Огайо, Колумбус, США, окт. 2002 г.).

ских и лосевских текстов; тем не менее в основе всех разделов книги лежит единая — уточняющаяся, развивающаяся и далекая от завершения — идея. Будучи генетически связанной с циклом статей о Вяч. Иванове, А. Ф. Лосеве и М. М. Бахтине и в определенной мере ретроспективной (некоторые из предложенных решений о конкретных «механизмах» непрямого говорения содержательно смыкаются с моими статьями, относящимися к 1980-м годам), работа «К феноменологии непрямого говорения» носит вместе с тем гипотетический, поисковый и предварительный характер с расчетом на раскрытие возможных перспектив темы в будущем.

Я благодарна И. Н. Фридману, прочитавшему рукопись «К феноменологии непрямого говорения» и высказавшему ряд весьма ценных советов и замечаний. Выражаю признательность Институту философии РАН и Российскому гуманитарному научному фонду, на протяжении многих лет поддерживающим мои занятия феноменологией языка, ивановским, лосевским и бахтинским наследием и издание соответствующих трудов, в том числе и этой книги.

МЕЖДУ ИМЕНЕМ И ПРЕДИКАТОМ (СИМВОЛИЗМ ВЯЧ. ИВАНОВА НА ФОНЕ ИМЯСЛАВИЯ)

Отношение Вяч. Иванова к имяславью значимо и само по себе, и как выразительный общий фон для обсуждения ивановских воззрений на язык в целом. Сложность такой постановки темы в том, что прямых, а тем более развернутых высказываний Иванова об имяславии почти не сохранилось, хотя в устном общении (с П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым, В. Ф. Эрном и др.) их, конечно, не могло не быть¹. Известны, собственно говоря, лишь несколько косвенных упоминаний Иванова об имяславии. Возможно, здесь мы тоже имеем дело с тем, что С. С. Аверинцев удачно назвал характерной для Иванова — по тем или иным причинам — стратегией упоминания или умалчивания. Что же могло лежать в основе такой стратегии в данном случае?

В литературе, особенно последних двух десятилетий, имя Иванова и имяславие достаточно тесно соплагаются, причем чаще в прямо отождествляющем, чем в просто ассоциирующем смысле. Вопрос этот, однако, настолько сложен, что ни через знак равенства, ни через синонимизирующую запятую, ни, с другой стороны, через молчаливое полагание отсутствия всяких точек соприкосновения (нет высказываний об имяславии — нет и проблемы сопоставления) решен быть не может. Хотя имяславие, несмотря на его глубинную, сущностную связь с проблемой языка, воспринималось (и воспринимается) почти исключительно как острая религиозная проблема, и в нем самом, и в околоимяславских спорах содержались (и содержатся) отголоски практически всех главнейших дискуссионных тем тогдашней (и современной) эстетической, лингвистической и в целом гуманитарной мысли — тем, на которые Иванов почти всегда так или иначе откликнулся. Возможно ли в таком случае принять

¹ Вяч. Иванов, как известно, встречался и с имяславцами-простецами; был он знаком также и с имевшей тогда хождение «низовой» имяславской литературой — по сведениям В. П. Троицкого, и в московском, и в петербургском архивах Иванова хранятся экземпляры сборника легенд имяславцев-простецов.

то простое решение, что, мол, только обычное и известное ивановское нежелание прямо высказываться по «последним» догматическим вопросам лежало в основе его неупоминания имяславия, к которому он тем не менее склонялся? Ведь именно этот период в творчестве Иванова часто называли (достаточно вспомнить Н. А. Бердяева или А. Белого) догматическим, и многое из состава идей и понятий того же Флоренского или Эрна действительно безболезненно, как в позитивной, так и в негативной оценке, появлялось в ивановских текстах этого периода. Следует, видимо, искать другие причины молчания Иванова по поводу прямых имяславских тем.

Прежде чем приступить, однако, к подробному обсуждению этой и связанных с ней других проблем, оговорим, что всё сказанное ниже будет иметь отношение только к сугубо интеллектуальным концептам, усматриваемым в рамках ивановского символизма и имяславия — вне всякой связи с вопросом о возможности реального воплощения всех рассматриваемых идей на практике.

1. Между именем и метафорой (историко-сопоставительный аспект)

Самое насыщенное и перспективное для интерпретации, хотя — как и всегда — брошенное вскользь, упоминание имяславия содержится в статье 1922 года «О новейших теоретических исканиях в области поэтического слова». В начале статьи Иванов разбирает работу А. Белого «Жезл Ааронов — о слове в поэзии», оспаривая предложенные Белым критерии противопоставления пушкинской и тютчевской поэтических манер. В творчестве Тютчева, согласно ивановской интерпретации мысли Белого, «подсознательное, ночное, хаотически стихийное» расцветает метафорой, а мысль — дневная, ясная сторона сознания — не находит средств для адекватного поэтического воплощения и остается отвлеченной. Пушкинский же «солнечный логизм», по мысли Белого, проникает в сущность вещей и непосредственно воплощается в адекватном звуке слова, чуждаясь метафоры, но дробясь и играя «в хрустальных гранях метонимии»². Описывая далее свое, заявленное как в принципе отличное от предложенного Белым, понимание разницы пушкинской и тютчевской манер, Иванов среди прочего говорит, что Пушкин, «потому, что своей самостоятельной мысли в отличие от уже изреченной в космосе как бы вовсе не имел», ограничивался тем, что в таком случае остается: только именовать вещи и их отношения, а с ними и их вечные, напечатленные на них платоновские идеи.

² *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 635—636. В дальнейшем ссылки на это собрание сочинений будут даваться в тексте в скобках (номер тома и через запятую номера страниц).

И вот интересующее нас место: «Пушкин — бессознательно платоник в своем взгляде на мир; и Пушкин — *“имяславец”* (выделено мною. — Л. Г.). Его имена (и косвенно его переименования, метонимии) суть живые энергии самих идей» (4, 636).

Максимально симптоматичное место. К 1922 году открытые и острые имяславские споры по многим причинам уже сходили на нет; во всяком случае к тому моменту уже прошло достаточно времени, чтобы определиться. И хотя Иванов и здесь, как всегда, осторожен и отрешен от соотносительных иерархических оценок, он тем не менее достаточно и как бы «финально» определен: если Пушкин — имяславец, то противопоставляемый ему здесь же Тютчев (константный в ивановских текстах своего рода «символ символизма»), соответственно, не имяславец. Следовательно, и само имяславие здесь в каком-то смысле противопоставляется символизму.

Смысл этого противопоставления пока не ясен; контекст, в котором использовано слово «имяславие», не только не намекает на какое-либо иерархическое (по сравнению с символизмом) снижение пушкинского солнечного логизма в силу его «имяславия», но максимально подчеркивает своей платонической «терминологией» высоту и беспрекословность этой силы, да и имя Пушкина само по себе отторгает какое-либо умаление при любых сравнениях. И все же далее у Иванова зазвучит и противопоставляемая им этой «беспрекословной силе» идея, как бы ограничивающая поле действия солнечного логизма, а соответственно, и платонизирующего имяславия: «Пушкин метко схватывает сущности и право их именует, они же сами непосредственно являют, в ответ на правое их именование, свою связь и смысл — *до некоей заповедной черты, где именование прекращается* (выделено мною. — Л. Г.), потому что за нею область немоты, где сущности говорят уже не живым, а «мертвым языком о тайнах вечности и гроба»» (4, 637). Здесь намечена возможная «точка несогласия» Иванова с имяславием: да, именование — действенная сила, и ему подлежат даже сущности и идеи, но оно не всеохватно: имеется некая межа, после которой «именование прекращается» и, надо понимать, начинается что-то в языковом отношении *иное*.

По мысли же имяславцев, в частности, С. Н. Булгакова и А. Ф. Лосева, авторов двух развернутых и систематизированных «Философий имени», такой «заповедной черты», за которой или до которой прекращалось бы именование, не существует. И хотя в разных версиях имяславия выделяются разные же ступени или степени именитства, все они признаются в своем существовании именно именованием. Именование равно мыслится во всех версиях действующим непрерывно: от самой Первосущности — до обычного бытового человеческого слова. В основе этого понимания лежит один из общих фундаментальных постулатов имяславия, согласно которому, в его условно сжатой редакции, факт наличия имени Первосущности онтологически предопределяет всеобщую име-

нованность. Если есть Имя Бога, то все должно иметь свои подлинные имена, и сам процесс именования получает «онтологическое» обоснование³.

Характерно, что, высказав принципиальный тезис о «прекращении именования» за определенной чертой, Иванов тем не менее осторожно, несколькими мазками «подрабатывает» данный фундаментальный постулат имяславия, сохраняя тем самым потенциальную возможность «прививки» своей позиции к имяславскому древу. Сказав, что именование на определенном этапе прекращается, Иванов тем не менее и при описании происходящего за «заповедной чертой» продолжает использовать понятие имени. Именованное прекращается, говорит Иванов, в известной еще древним области «непостижимого и неизреченного», то есть (развернем этот момент в свою сторону) прекращается то именование, которым блистал Пушкин, которое является собственно именованьем и которое названо здесь «имяславием», но тем не менее те же древние, продолжает Иванов, «все же именовали» сущие в этой области силы — «разумеется, не их подлинными, несказанными именами, а эвфемистическими (в угоду им) метафорами» (4, 637). Здесь слиты две расходящиеся идеи: всё имеет свои подлинные имена, но не всё может ими именоваться. Первая идея, сглаживающая противостояние с фундаментальным имяславским постулатом, дана Ивановым мимоходом, без обоснования и даже без особого акцента, вторая подчеркнута и заострена. Именно в ней «интерес» Иванова. Даже если воспринимать первую идею как прямой религиозно-философский тезис о всепроникающей силе языка, включая и область «неизрекаемого», где все тоже имеет свои подлинные имена, то все равно «главной» здесь окажется мысль о наличии двух разных языков (изрекаемого и неизрекаемого), а значит, разграничение двух сфер, введенное тезисом о прекращении именования, остается в силе.

Тем самым достигается двойной эффект: сохраняется принципиальная возможность подключения к фундаментальным установкам имяславия, но и уточняется принципиальное различие с ним. По имяславью — везде именованье; имя может, согласно имяславскому учению, сменять (и даже полностью) на разных «перевалах» свою «телесную» языковую оболочку, но оно все равно остается при этом в самой своей природе именем, и даже более того — тем же самым именем. По Иванову же, именование трансформируется в сфере неизрекаемого в некий *иной по лингвосемантической природе процесс, в не имя* (здесь — в метафору, но о метафоре еще придется говорить отдельно). Языковая специфика этого особого, выполняющего схожую с именованьем функцию, но именованьем не являющегося лингвосемантического процесса и составляет ядро и загадку ивановского типа символизма.

³ См. об этом: Булгаков С. Н. *Философия имени*. Париж, 1953. С. 204. Далее — Фиб.

Достаточно очевидно при этом, что означенная Ивановым «заповедная» для именования черта не совпадает с тем апофатизмом, который всегда учитывается в имяславии и который тоже в определенном смысле означает некую границу компетенции языка. У Иванова речь несомненно идет о более «низкой» в вертикально-иерархических координатах ступени, нежели в имяславии, апофатизм которого «начинается» значительно «выше» — «за» тринитарной проблемой или во всяком случае «внутри» нее (ср. лосевский тезис о Первоимени до и вне меонального тварного мира и булгаковскую идею рассмотрения соотношения Лиц Троицы по типу субъект-предикативного именовательного суждения⁴). Имяславский апофатизм означает границу языка как такового (вполне, кстати, вероятно, что абсолютный языковой апофатизм признавался и Ивановым, но это никак, однако, не влияет на имеющиеся различия в рассматриваемой нами более частной теме), ивановская же «заповедная» черта отмечает границу компетенции собственно именования, границу, за которой еще продолжают действовать другие языковые силы и особые семантические процессы. Что же это за силы и процессы?

Логика сопоставления очевидно привела нас к главному ивановскому понятию *символа* в его, как это уже становится ясным, непростых отношениях с имяславским *именем*. Но и здесь нас встретят некоторые «терминологические» сложности.

К 1922 году Иванов уже осторожничает с термином «символ»; практически (за исключением незначительных и подчеркнуто понятийно не нагруженных эпизодов) не употребляет он этого понятия и в интересующем нас фрагменте указанной статьи⁵, хотя, казалось бы, именно символ прямо просится из предшествующих ивановских текстов на место тех эвфемистических метафор-именований, которые признаются возможными по отношению к силам «неизрекаемой» сферы. На место признаваемых здесь особых, не именуемых, но выполняющих функцию имени семантических процессов. И действительно, хотя самого символа как бы и нет, зато в статье употреблены сопутствовавшие ранее в ивановских текстах этому понятию слова-спутники: *ознаменование* (не-имяславец Тютчев, говорится в статье, умел в пределах возможного и изрекаемого ознаменовать определительные черты своего постижения неизрекаемых

⁴ Лосев А. Ф. *Философия имени*. М., 1927; Булгаков С. Н. *Трагедия философии* // Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 311—517.

⁵ Символ в своей по-ивановски сильной смысловой позиции появится в этой статье лишь раз — при обсуждении статьи В. Шкловского, то есть на «чужой» территории, и лишь как «самоцитата» из прошлого, приведенная в авторском примечании к тексту статьи (4, 784). О смысле этого ивановского диалога с В. Шкловским см. ниже (в третьем разделе).

сущностей) и *миф* (тот же Тютчев, согласно Иванову, озаменовывал свое постижение в мифотворческих высказываниях). В определенном смысле намекает на символ и подчеркнутая *метафоричность* Тютчева (слово это повторено здесь вслед за Белым, для которого метафора как раз и была символом как таковым; об ивановском понимании метафоры в связи с символом см. ниже). Намеченная выше «точка несогласия» с имяславием просматривается тем самым и здесь: все эти привычные контекстуальные спутники символа использованы Ивановым применительно именно и только к Тютчеву, а не к названному имяславцем Пушкину.

Произведенная нами экспликация напрашивающегося противопоставления символа и имени оказывается, таким образом, в некотором смысле насильем по отношению к данному тексту Иванова: разграничив две сферы — дневную и ночную (аполлонийскую и дионисийскую), применив термин «имяславие» к первой из них, но избежав прямого употребления термина «символ» ко второй, Иванов тем самым красноречиво уклонился от обсуждения соотношения символа с именем, а значит — и от кардинального вопроса о соотношении своего и имяславского понимания самого символа.

Именно «уклонился» от темы, а не «не заметил» или «не придал значения», «счел несущественной». Статья свидетельствует, что не только манера рассуждений «по-имяславски», но и их смысл Иванову прекрасно известны: они непосредственно и корректно «задействованы» в самом тексте. В рассуждении о пушкинском типе именования Иванов говорит как убежденный и «грамотный» имяславец, используя *почти* все главные уставные (платонические) термины этого направления (с той, правда, обескураживающей разницей, что сами имяславцы вряд ли назвали бы имяславцем Пушкина, скорее — Тютчева). «Почти», но не все: Иванов избегает все того же символа.

Напряжение сюжета взаимоотношений Иванова с имяславцами в том и состояло, что речь в имяславии по существу шла о своего рода инновационном смысловом завершении символизма, и символизма именно ивановского типа. Это «завершение» символизма, предложенное имяславцами, видевшими в ивановской теории соприродницу и непосредственную предшественницу своего учения, так и не было, по всей видимости, принято Ивановым — при всем его сочувствии к ведущей идее и другим аспектам имяславия. В своей окольцовывающей и тем завершающей символизм интенции имяславие не только и не просто провозгласило символизм своим основным принципом, но предложило по существу новое (во всяком случае для ивановского контекста) понимание самого символа. Суть этого нововведения заключалась в том, что имяславцы фактически предложили понимать ту связь между символизируемым и символизирующим, вокруг которой велись жаркие споры в русском символизме начала века и которую Иванов называл озаменовыванием, как *именование*. Символ отождествлялся в своей идее с именем, и хотя речь, конечно, не шла в имя-